

Кащей

Автор:

Валерий Захаров

Кащей

Валерий Захаров

События повести происходят в Шотландии, во времена викингов, могущество которых подходило к концу. Тогда возникает загадочная фигура малолетнего убийцы – Койлина, впоследствии отправившегося в далёкую неизведанную страну – Бьярмию, где он окончательно превращается в Кащея, ставшего прообразом героя большинства русских сказок. Повествование сопровождается сведениями, дополняющими историческую и географическую реальность событий, делающих чтение увлекательным и интересным.

Часть первая

Кто туда неосторожно

Из другой страны заглянет,

Тот, – предание неложно,

– В изумленьи камнем станет.

(Константин Бальмонт)

Глава 1

Шотландия, древняя страна с прекрасной, суровой и жестокой природой! Родина легендарного верескового мёда, волынок и кельтов.... Ледяные воды Северного моря разбиваются об утёсы, рокоча и свирепствуя, увлекают в морские глубины неосторожные суда. Суровая природа, суровые люди. «Nemo me impune Uicessit», в переводе с латинского означает «Никто не тронет меня безнаказанным» – таков мрачный и роковой девиз шотландцев, врезанный в древние камни крепостей, которых не могли покорить ни викинги, ни даны, ни римляне. Казалось, этих людей выковала сама природа, создавая неколебимые скалы в человеческом облике. Многочисленные легенды окружают этот народ, давший миру самую древнюю ветвь властителей, правивших миром.

В одной из областей Шотландии, Восточном Лотиане, приблизительно около 20 миль к востоку от Эдинбурга, среди непроходимых болот и дремучих лесов тут и там видны одиночные скалы, называемые чёртовыми пальцами. Словно окаменевшие часовые, наполовину скрывающиеся стелющимися туманами, они придают пейзажу таинственный, сказочный вид. Попавшему туда путнику пришлось бы пробираться через топи, обходить скалы и вересковые заросли, брести по узким звериным тропам, чтобы добраться до цели путешествия.

На громадной, одинокой скале, словно венчая её, расположились живописные руины замка Дирлетон. Пролетевшие бурные века пощадили древнее строение, и, освещаемое закатным солнцем оно до сих пор кажется грозным и величественным. Так же, как столетия назад, над замком плывут облака, бросая причудливые тени на живописные развалины, да зоркий беркут, раскинув мощные крылья, очерчивает круги над своими обширными владениями.

На этой самой скале, Джон де Во, потомок верховного шерифа Камберленда Роберта де Во, решил воздвигнуть замок. В 1225-м на скале появилась первая постройка – “castellum”, дом-башня. К первой башне он пристроил ещё две, создав небольшой, но грозный замок – крепость. Основание замка – кала сама по себе являлась оборонительным укреплением, и увенчанная крепостью, лишала врагов, вооружённых луками и копьями, какой либо надежды на успех.

В 1239-м Джон де Во получил должность стюарта (управляющего делами) королевы Мэри, супруги Александра II, что положительно повлияло на его

финансовое состояние. Он продолжил строительство замка, архитектуру которого он перенял у родового замка королевы – Шато де Куси во Франции.

Сложенная из массивных тесанных плит, башня, к которой де Во впоследствии пристроил еще две башни, поменьше, занимала территорию сто двадцать на восемьдесят футов, но более свободного пространства не было. Таким образом, строение являлось и замком, и крепостью, и, разумеется, тюрьмой, где в мрачных, стылых подземельях томились пленники.

Замковый подъемный мост, переброшенный через ров, шириной сорок пять футов, вёл к высоко расположенному входу в замок. Хорошо простреливаемая из бойниц, оборонительная территория приводила к многочисленным жертвам штурмующих, и погребальной замковой команде приходилось немало потрудиться после каждого штурма, увеличивая маленькое кладбище на опушке леса.

Замок защищал дорогу, ведущую к Эдинбургу, и, принимая на себя первые удары, нападающих, служил форпостом для областей, лежащих западней замка.

В одну из тёмных, ненастных ночей, когда раскаты грома сотрясали окрестности, а молнии непрерывно прорезали дождливое небо, у замковых ворот раздался плач.

– Слышишь? – вдруг поднял палец хромоногий Бернарnard. В одном из сражений с пиктами он получил увечье бедра, но благодаря своей верности и храбрости был оставлен на службе, охраняя ворота замка.

– Показалось! – махнул рукой молодой стражник, отхлёбывая из фляги вино. Как и все молодые, необстрелянные воины, он был неосторожен и самонадеян, и поэтому сэр Джон ставил таких юнцов со старыми и опытными бойцами. Однако, прислушавшись, он тоже услышал странные звуки.

– Надо выйти, посмотреть, – решил Бернард, и, захватив факел, открыл крошечную калитку, врезанную в одну из створок ворот, куда можно было протиснуться только согнувшись, и очутился за воротами. Густая темнота и вспышки молний не позволяли ничего разглядеть, однако, при свете уже затухающего от ливня факела он заметил корзину, стоявшую у ворот.

Подойдя к ней, и развернув тряпичный узел, Бернард с изумлением обнаружил ребёнка, голосившего что есть мочи. Стражник огляделся, словно желая обнаружить того, кто оставил этот странный подарок, он даже взглянул на разверзшиеся небеса, словно оттуда могла появиться таинственная корзинка с младенцем.

– Ты смотри, какой горластый, – проговорил он, и, захватив корзину, скрылся за воротами. – Вот, добыча, – насмешливо улыбаясь, оповестил он товарища, входя в маленькое караульное помещение у ворот, и протягивая ему корзину. – Кто мог принести это в такую ночь, кроме самого дьявола?

Бернард с опаской подошёл к корзине, в которой лежал затихший малыш, и неловкими движениями распеленал его

– Мальчишка! – определил он. – Что будем с ним делать?

Алпин задумчиво почесал затылок.

– Надо доложить начальнику караула, пускай разбирается.

Он дёрнул за конец верёвки сигнального колокола, находящегося в большом караульном помещении. Ждать пришлось недолго. Массивная дубовая дверь, окованная металлическими полосами, растворилась, и вошёл начальник караула в сопровождении громадного роста воина, держащего в одной руке факел, а в другой – обнаженный меч.

– Что случилось? – недовольным голосом произнес вошедший, оглядывая обоих воинов.

Начальник стражи, Гордан, был ещё молод, но воинские подвиги и храбрость в сочетании с находчивостью быстро выдвинули его из рядовых воинов. Мощного телосложения, с небольшой русой бородой, и светлыми голубыми глазами он одновременно походил и на мирного хлебопашца, и на грозного викинга. Гордан чаще улыбался, нежели хмурился, но его миролюбие простиралось не далее первой схватки с врагом, когда ярость искажала черты его лица, а оружие в его руках становилось беспощадным.

Бернард указал ему на корзину, стоящую в углу, где под тусклым светом коптящего факела копошилось крошечное существо. Словно почувствовав внимание к себе, малыш

огласил тесное помещение громогласным рёвом.

– Крикун изрядный! – улыбнувшись, покачал головой Гордан. – Откуда он взялся?

Выслушав немногословную историю о найдёныше, Гордан отворил крошечную калитку и вышел за ворота замка. Внимательно оглядевшись, он вернулся, отряхивая от дождя плащ.

– Действительно, чудеса! Я же говорю, что только дьявол может приносить в такую ночь подарки! – заметил Алпин, но начальник стражи не обратил на него никакого внимания.

– Ребёнок голоден! – заметил Гордан. – В корзинке больше ничего не было? Еда, или какие ни будь знаки, указывающие на его клан, или род?

– Ничего, совершенно ничего! – отвечал Бернард, подходя к корзине с малышом. – Только корзина, пеленки, и малыш, да ещё вот эта жестянка на шее.

– Что за жестянка?

Гордан склонился над ребёнком, и осторожно рассмотрел металлическую пластинку с непонятными знаками на тонком кожаном ремешке.

– Это не руны, не гэльское и не английское письмо; по-моему, даже и не французское. Пусть болтается на нём, коли так!

– Да, маловато поклажи у нашего путешественника, – озабоченно произнёс Бернард

– Сейчас я пришлю кормилицу, она лучше знает, как поступить, и доложу сэру Джону, – с этими словами Гордан покинул вместе с факелоносцем караульное помещение.

Глава 2

Резиденция сэра Джона находилась в башне – донжоне, одном из самых неприступных конструкций замка, в которой он коротал ночь за изучением финансовых дел. На стенах были укреплены несколько горящих факелов, освещавших помещение; на столе в тяжёлых кованых подсвечниках стояли свечи, новинка того времени. Кроме бумаг, была разложена карта, на которую сэр Джон время от времени бросал внимательный взгляд. Эта карта досталась ему не дёшево, зато он ясно представлял расположение укреплений врагов.

Сэр Джон был большой охотник до новшеств. Несмотря на чрезвычайную дороговизну, в резиденции красовалось несколько застеклённых окон из толстого, мутного, как его называли – лунного стекла. Но более всего его интересовало оружие. Луки, новые кирасы, мечи, щиты и алебарды из крепкой стали он высматривал и у местных оружейников и приезжих купцов. Была тут и новинка – арбалеты, рычажные, а так же с воротом, позволяющим так натягивать тетиву, что стрела пробивала кожаный и стальной панцирь с расстояния 300 футов, а кольчугу – с 400 футов.

Убойная сила, высокая точность и дальность стрельбы снискала арбалетам грозную славу. На стенах крепости были даже установлены два тяжёлых арбалета, метавших большие тяжёлые стрелы на громадное расстояние. Сам же сэр Джон облюбовал себе стремянный арбалет, где арбалетчик ставил ногу в специальное стремя, и, берясь за тетиву, натягивал её всем корпусом. В сравнении с луком арбалет проигрывал в скорости стрельбы, но под защитой надёжных замковых стен стрелок вполне мог перезарядить своё оружие и произвести смертоносный выстрел. Арбалеты выдавались лучшим стрелкам, остальные воины были вооружены шестифутовыми тисовыми луками.

Для того чтобы сократить расходы на вооружение, сэр Джон приказал воинам самим заготавливать стрелы, и из лесу приносили целые вязанки заготовок для стрел, которые сушились, обрабатывались, снабжались оперением и металлическими наконечниками, которые выковывал искусный кузнец. Тетивы делались из бараньих и воловьих кишок. Всем этим хозяйством заведовал оружейник, опытный воин и мастер, Бетериш, унаследовавший от отца опыт изготовления и ремонта всякого оружия. Это был ещё не старый,

немногословный грузный человек, всегда занятый своим делом.

Он долго изучал, взвешивал и опробовал стрелы для арбалета, которые были гораздо короче и тяжелее, чем стрелы для лука, и возился с ними до тех пор, пока изготовленные им стрелы поражали ничуть не хуже тех, что продавались оружейниками. Поговаривали, что он знает, как заговаривать стрелы, но, скорее всего, мастер владел секретом заточки и закалки наконечников стрел и копий. Бетериш постоянно находился то у столяра, то у кузнеца, чиня алебарды, бердыши, луки, латы и кольчуги; приходилось приводить в порядок боевые доспехи коней, ремни, к которым солдаты крепили оружие, ковать наконечники для стрел, работы хватало.

Сэр Джон снял со стены свой арбалет, отделанный серебряной чеканкой, любовно держа его на руках, словно ребёнка. Он уже не раз испытал его в бою и брал на охоту, снимая оленей и кабанов с дальнего прицела. Всё оружие стоило больших денег, которых так не хватало владельцу замка, но сэр Джон всегда отсчитывал за него полновесные шотландские фунты.

Кроме военных действий, сэра Джона одолевали и другие заботы. Нужно было углубить ров, укрепить подъемный мост, пострадавший от последнего нападения, перекрыть деревянными балками строящуюся третью башню, и возвести постройки для гарнизона и слуг, ютившихся во временных сооружениях и палатках. Требовалось много строительного материала, тёсаного камня, леса, и, несмотря на близость лесной чащи и каменоломни, их заготовка и доставка обходились недёшево. Большие денежные затраты шли на закупку железа, меди, свинца и олова.

Для работы требовались плотники, кровельщики, каменщики, и приходилось считать каждый фартинг, (мелкие монеты, 1\4 пенни). Нанятых в Эдинбурге пятерых каменщиков и четырех плотников вместе с сопровождающими их четверьмя солдатами ограбила и убила по дороге шайка разбойников. В разбойничьи шайки постоянно стекались крестьяне, не желавшие выплачивать непосильные налоги, и трудиться за жидкую похлёбку на строительстве замка. Для упрямцев и грабителей под тяжелыми каменными сводами крепости была выстроена тюрьма, и заключённых в ней пленных тоже приходилось кормить.

– Чёрт бы побрал всех, кто сидит у меня в подвале! Неплохо они устроились! Специально разбойничают и лодырничают, чтобы их бесплатно кормили! – ворчал сэр Джон, когда у него просили деньги на прокорм заключённых.

Но деньги приходилось давать, к тому же эти самые заключённые трудились от зари до зари.

– Если плохо работают, не бейте их, – учил сэра Джон. – Просто не кормите, и всё!

По всей округе происходили стычки, кроме пиктов гэллов, и больших разбойничьих ватаг, сражавшихся друг с другом не на жизнь, а на смерть. Так, епископ Кейтнесский в свою пользу считал десятину, – десятую часть крестьянского урожая, которую церковь изымала для себя. Разъяренные жители Кейтнесса убили епископа, предав огню его жилище. Однако, нескольким слугам удалось убежать к графу Оркнейскому, и попросить помощи.

Эта весть достигла ушей Александра II, который в это время направлялся в Англию, и, не раздумывая, бросил войско в Кейтнесс, предав смерти четыреста человек, виновных в убиении епископа.

Все эти события приводили к тому, что лорд Джон страстно желал только одного – как можно быстрее закончить строительство крепости. Он был ещё молод, но трудная военная жизнь уже наложила на него отпечаток. Лоб прорезали ранние морщины, лицо было обветрено, брови сходились к переносице, так, что невозможно было догадаться, хмурится лорд или находится в хорошем настроении. Тяжёлый взгляд светлых, глубоко посаженных глаз казался, проникал в самую душу собеседника. Высокий рост, тяжёлые плечи, густые светлые волосы и массивный подбородок, обрамлённый небольшой бородкой, довершали портрет сэра Джона.

Глава 3

Стук в тяжёлую дубовую дверь оторвал его от раздумий. В открывшемся дверном проёме он увидел Гордона, своего одногодка и верного слугу, не раз спасавшего своего господина от смерти в сражениях.

– Чего тебе, Гордон? – устало спросил сэра Джон. – В такую ночь вряд ли кто решится напасть на нас. Тогда зачем же ты пришёл?

Гордон взглянул в глаза своего господина. Он отлично понимал, что оторвал его от важных размышлений.

– Сэр Джон, господь послал нам прибавление!

Сэр Джон с любопытством взглянул на Гордона.

– Неужели король прислал солдат с оружием и провизией? Пикты на подходе, и нам нужно подкрепление!

– Нет, господин, король не прислал ничего такого. Господь прислал одного человека – глядя на мерцающий факел, отвечал солдат.

– Мужчину?

– И да, и нет.

Сэр Джон, окончательно оторвавшись от раздумий, встал, и подошёл к Гордону. Несмотря на то, что солдат был крепким и рослым, сэр Джон возвышался над ним на полголовы.

– С каких пор ты стал говорить загадками, Гордон? Не метишь ли в королевские звездочёты?

– Сэр, стражники нашли у ворот младенца, мальчишку.

– Ты шутишь? В такую ночь даже хозяин не выгонит собаку на улицу, а ты мне говоришь о младенце?

– Альпин сказал, что его принёс сам дьявол.

– Ерунда! – раскатисто рассмеялся сэр Джон, показывая крупные белые зубы. – Дьявол ничего не даёт, только забирает. Каков из себя малец?

Мальчишка крошечный, но крепкий, кричит, как озверелый пикт, не кашляет, хотя был весь мокрый от холодного дождя. Вцепился мне в палец, и чуть не

оторвал. Что прикажете с ним делать?

– У начальника плотников есть жена, которая кормит грудью ребёнка. Пусть накормит и этого младенца. Не оставлять же дитя человеческое на улице!

– Уже сделано, мой господин. Женщине приказано накормить его, а завтра...

– Когда наступит завтра, тогда и решим. Иди, проверь и усиль посты; если кто-то в такую ночь наведется к нам с младенцем, значит, могут навестить и с оружием. Да передай Альпину, что если он будет слишком часто прикладываться к фляге с вином, отправится работать в каменоломню!

Он положил тяжёлую руку на покрытое кирасой плечо солдата, и легонько подтолкнул его к двери; однако и от этого лёгкого толчка воин покачнулся. Закрыв за собой тяжёлую дверь, Гордон направился выполнять приказ сэра Джона.

Глава 4

Время шло. Вместе со строящимися замковыми башнями рос и малыш, заброшенный судьбой, а вернее, подкинутый какой-то несчастной в замок. Ему дали имя Койлин, что означало дитя, ребёнок. Он целыми днями лазил по стенам, крышам и подвалам, но большую часть времени посвящал стрельбе из маленького лука и фехтованию мечом, которые смастерил ему Бетериш. Меч был изготовлен из обломка старого меча, однако, будучи в руках Койлина, представлял опасность. Гордон, который считал себя крёстным найдёныша, приглядывал за мальцом, довольный тем, что его воспитанник ловко попадает из лука в птиц, сидящих на деревьях, и храбро сражается с солдатами своим маленьким мечом. – Этот парень прирождённый воин, – говорил он сэру Джону. – Он силен, и хитёр, и, когда сражается, норовит нанести мечом рану.

– Не пора его зачислить в крепостной гарнизон? – шутливо спрашивал сэр Джон. – Не зря будет есть хлеб!

– Сэр, при последнем сражении с пиктами он не уходил с крепостной стены. Я дал приказ закрыть его под замок, но шустрый малый как-то выбрался и дрался с врагами, стоя на стене, до победы. Стрелял из лука не хуже солдат! Настоящий бесёнок!

Несмотря на выгодное расположение замка Дирлетон, он имел существенный недостаток – в нём не было источника воды.

Однако архитектор, возводивший замок, нашёл источник, и скрытно подвёл его к самому подножию скалы. Чтобы обеспечить замок водой, её ежедневно таскали в бурдюках в замок, и сливали в дубовые бочки, создавая необходимый запас. Однако в случае длительной осады, когда за стены невозможно было выбраться, замок лишался воды, обрекая его защитников на капитуляцию. Сэр Джон, собрав старых мастеров, долго советовался с ними, пока не было решено пробить глубокий колодец в скале, из которого можно было бы черпать воду. Это была тяжелая, и долгая работа, которую выполняли заключённые.

Имея запас продовольствия, вооружения, а главное, воды, замок мог выдержать, хоть и с трудом, тридцатидневную осаду, и продержаться до подхода королевских войск.

Поговаривали, что в стене колодца, так же, как и под резиденцией сэра Джона имеется потайной ход, ведущий за пределы замка, но точно никто ничего не знал, а те, которые знали, бесследно сгинули.

Однажды Койлин через подкоп в стене, в который мог пролезть только он, убежал в лес, захватив с собой маленький меч. Он целый день бродил в густых зарослях, пока не наткнулся на трех человек, жарящих на костре кабаньей окорок. Подслушав их разговоры, он догадался, что перед ним разбойничья шайка, грабящая всех в округе. Лишь днём, под прикрытием крепостного гарнизона путники могли миновать опасный участок дороги, примыкающий к лесу.

Его неосторожное движение в кустах было замечено часовыми, и они бросились догонять мальчишку, который мчался, не разбирая дороги во весь дух. Он чудом миновал болотную топь, и забежал так далеко, что не сразу смог отыскать дорогу домой. Ночь он провёл под раскидистым дубом, крепко сжимая в руке своё маленькое оружие.

Проплутав ещё день в лесу, он явился в замок голодный, оборванный, но не испуганный, рассказав о своих злоключениях Гордону. Тот внимательно выслушал его, и приказал показать тропу, по которой Койлин добрался до дозорных разбойников. Эта вылазка обернулась удачей, в плен попал сам главарь шайки, мужчина громадного роста, с густой черной бородой, прикрытый кольчугой, которая была ему коротка. Во время боя он подбадривал членов шайки громоподобными криками, призывая на помощь людей из своего становища, которое, очевидно, было далеко.

Один глаз его был прикрыт тряпичей, но и с одним глазом он нанёс ощутимый урон солдатам сэра Джона. Когда из его рук выбили меч, он схватил бревно, и, размахивая им, уложил трёх солдат. Только метко пущенная стрела прекратила его яростное сопротивление. Разбойники дрались с особым ожесточением. Солдаты сэра Джона не могли развернуть строй, чтобы использовать численные преимущества, но, застигнутые врасплох члены разбойничьей шайки вынуждены были сдаться на милость победителя.

Однако милосердие сэра Джона простиралась не слишком далеко. Атаман шайки мужественно вынес пытки, которым его подвергли, чтобы вызнать место, где находится становище разбойников, но когда к его груди кузнец приложил раскалённую подкову, плюнул ему в лицо, после чего был сразу повешен.

Выпорвав всех разбойников, сэр Джон приказал посадить их в тюрьму, выводя для тяжелых ежедневных работ по строительству замка. Особенно строптивым давали в руки кайло, и спускали в колодезную шахту. На возражения Гордона, говорящего, что тюрьма переполнена, сэр Джон заметил, что замок у него – не лес, места мало, поэтому узники должны довольствоваться тем, что есть, и быть благодарными за то, что их не повесили у ворот замка.

Глава 5

Миновали дни, месяцы, годы. Койлин, достигнув двенадцатилетнего возраста, уже доставал до плеча рослым воинам. Густые, светлые, прямые волосы падали ему на лоб, прикрывая глаза с яркими жёлтыми зрачками, взгляд был подобен взгляду зверя, когда тот высматривает свою жертву. Он был сухощав, скрытен,

молчалив, на все обращения к нему он отвечал односложно, и никто никогда не видел на его лице улыбки. Двигался Койлин быстро и проворно, словно белка, забираясь на самую высокую башню, откуда открывалась панорама окрестностей. Его назначили слугой, в обязанности которого входило снабжать замок водой, и разносить её томящимся узникам; он с утра крутил ворот, доставая воду из глубокого колодца, и переливая её в большие дубовые кадки. Закончив работу, он тут же принимался за упражнения с оружием, стреляя из лука и орудуя мечом. Сражаться с ним находилось не так много желающих, поэтому Бетериш смастерил ему чучело, на котором он отрабатывал приёмы защиты и нападения.

– Учись малыш, действовать щитом! – наставлял его Гордон.

– Пускай таскает щит тот, кто не может владеть мечом! – отвечал Койлин, одним ударом разрубая толстую ветку граба.

Чтобы развлечь солдат, сэр Джон время от времени устраивал состязания по стрельбе из лука. В качестве приза выставлялось оружие и серебряные монеты. На зависть солдатам гарнизона, Койлин часто выигрывал эти состязания, посылая стрелу точно в мишень. Когда он натягивал сильными тонкими руками тетиву своего лука, казалось, он сам стремится вслед за стрелой, не давая ей уклониться от цели. Однажды он убил цаплю, неосторожно пролетавшую над замком, и прикрепил её хохолок себе на шапку. Это уже был настоящий воин, несущий смерть всем, на кого было нацелено его оружие.

В замке всегда было стыло и холодно, через открытые бойницы врывался леденящий ветер, камин пылал только в покоях сэра Джона, да и то в зимнее время.

Однажды Айлин дал ему за какую-то провинность крепкий подзатыльник, на что мальчишка ответил солдату метким пинком между ног. Тот, в свою очередь, закатил Койлину тяжёлую затрещину. Покачнувшись, Койлин устоял, и, выхватив меч, бросился на обидчика, нанеся солдату тяжёлую рану в бедро; если бы не подоспевшая стража, с трудом оттащившая рассвирепевшего Койлина, всё могло закончиться плачевно.

– Зверёныш! – закричал Айлин, прижимая рукой рану, из которой хлестала кровь. – Зря я тебя не выбросил в ров вместе с корзиной!

Узнав о случившемся, сэр Джон приказал посадить Койлина под арест в каменный мешок, устроенный для особо провинившихся. В течение десяти дней ему не давали ничего, кроме кувшина воды и куска чёрствого хлеба, и только заступничество Гордана, который тайком подкармливал узника, помогло Койлину живым выбраться на свободу. Никакого сожаления и раскаяния он не выказал.

С этих пор никто не осмеливался обижать Койлина или подшучивать над ним. Меч, который он всегда носил с собой, по приказу сэра Джона был отобран, но Койлин продолжал упражняться с мечом из дуба, который он выстругал для себя кинжалом, выигранным на состязаниях. Кроме владения оружием, Койлин, будучи смышленным малым, выучился читать и считать, чем нимало удивил сэра Джона.

– Оказывается, ты не только умеешь владеть мечом! Да знаешь ли ты, что даже не все бароны и рыцари могут читать! Ну-ка! – и он подал Койлину толстый фолиант в переплёте из телячьей кожи. Это были фенийские саги на гэльском языке.

– Да смотри, не порви страницы, эта книга стоит дороже, чем ты сам! – добавил он, и, скрестив руки на груди, слушал, как его слуга с запинками, но все же разбирает текст.

Похвалив Койлина, сэр Джон велел писцу научить писать способного слугу. Теперь Койлин ежедневно после выполнения положенных работ занимался письмом, старательно выводя буквы. Однажды писец, толстый мужчина с лицом красным от постоянного возлияния, попытался ударить своего ученика, но тот, перехватив его руку, так глянул в глаза писцу, что тот сразу обмяк, и что-то пробормотав, продолжил урок. Писец был очень раздосадован тем, что кто-то, кроме него может читать и составлять грамоты, и может случиться, что сэр Джон выгонит его за беспробудное пьянство. Писец, как мог, препятствовал учёбе, жалуюсь сэру Джону на бестолковость ученика, однако тот, посмеиваясь, пригрозил, что если к осени Койлин не выучится грамоте, то его, писца, ожидает незавидная участь. Конечно, писец страшился зря. Несмотря на пьянство, он владел английским (теперь его называют староанглийским) и латинским языками, и, кроме того, понимал французский язык, хотя и не мог на нём писать.

Однажды в замок поступило на службу несколько молодых солдат. Не зная, с кем он имеет дело, один из них стал подшучивать над Койлином, и, наконец,

спросил, не видит ли он приближающийся отряд. Койлин грубо ответил, что он не может видеть сквозь стены замка, и тогда солдат, на горе себе, стал тянуть мальчишку за уши вверх, приговаривая:

– Тогда расти выше стен замка!

Койлин стерпел боль, но затаил злобу. Он собрал все свои сбережения, состоящие из серебряных монет, выигранных им на лучных состязаниях, нож, лук с запасными стрелами и тетивой, трут, кремь, приготовил запас воды, хлеба и копчёного окорока, и стал выжидать. Воистину, девиз «Nemo me impune Uicessit», был роковым!

На следующий вечер он, подкараулив под сводами замка неосторожного солдата, всадил ему кинжал между лопаток, так, как учил его Гордон, держа лезвие горизонтально, чтобы оно легко прошло сквозь рёбра. Спрятав холодеющий труп, Койлин исчез из замка навсегда.

Глава 6

Койлин выбрался из замка тайной тропой, известной ему с детства, и очутился в лесу.

Двенадцатилетнему мальчишке было непросто принять это решение, но он действовал, полагаясь на свои звериные инстинкты.

Койлин набрёл на место, где когда-то располагалась разбойничья застава, но никого там не нашел. Проплутав в лесу три дня, он наткнулся на мальчишку, который безбоязненно шагал среди лесной чащобы, напевая какой-то нехитрый мотив.

Койлин крадучись последовал за ним, стараясь понять, кто это. Мальчишка был бос, в старой, с чужого плеча кожаной куртке, однако у него за поясом красовался «скин ду», небольшой нож с прямым клинком.

Мальчишка шагал, казалось, не замечая ничего вокруг, и вдруг, не оборачиваясь, он произнес: «Хватит прятаться! Если хочешь узнать что-нибудь – скажу, если хочешь ограбить – умрёшь сам!»

Койлину ничего не оставалось, как покинуть своё укрытие, и выйти на дорогу.

– А я знаю тебя! Ты – водонос из замка, который метко стреляет. Что ты тут делаешь?

Койлин молча глядел на лесного путника. По виду он был его одногодок, тоже рослый и крепкий, нож, торчащий за поясом, говорил, что его хозяин совсем не прост.

Мальчишка тоже внимательно оглядел Койлина, заметив нож, прикрепленный к левой икре.

– Наверное, что-нибудь натворил, и убежал из замка! – сразу определил он. – Так ведь?

Рассказывай!

Койлин, не любивший никаких повествований, мялся, переступая с ноги на ногу.

– Ну, тогда прощай!

И мальчишка, повернувшись, направился путём, известным только ему одному.

– Подожди! – окликнул его Койлин – Если я тебе скажу, ты меня не выдашь? Мальчишка рассмеялся.

– Кому? Медведю, или может, лисице?

– Ты сможешь мне помочь? – Койлин с надеждой смотрел на лесного путешественника.

– Это зависит от причины, по которой ты здесь оказался.

– Ударил солдата, – наконец признался Койлин.

– Ножом? – указывая грязным пальцем на оружие Койлина, засмеялся мальчишка.

– Ладно, можешь не говорить. Я не стражник, и не судья. Если хочешь, пойдем со мной, а нет, делай, что хочешь.

И он, насвистывая, направился своим путём. Койлин, увязался за своим спутником, и вскоре они исчезли в чаще леса.

В двух часах ходьбы от дороги, в лесной тущобе, обитали те, кому не нашлось места среди обычных людей. Не будем судить их, оставим это господу Богу. Лишь он один ведает, кто прав.

Укрытые под раскидистыми ветвями дубов, в дремучей глубине леса стояли шалаши, в которых ютились бедняги. Это были, в основном, крестьяне, обобранные феодалами, которым нечего больше терять. Они переняли обычаи тех, кто их грабил, а именно – пользоваться правом силы. Вооружившись, кто чем мог, они собрались здесь, чтобы вдохнув глоток свободы, рано или поздно очутится поверженными в бою, или повешенным по приговору королевского суда. Все они назывались товарищами и братьями, подобно морским разбойникам, собратьям по ремеслу, но в отличие от них, пристанище им было не бурное море, а лесная чаща.

Вот к этим бунтарям и любителям вольной жизни и направился беглый слуга из замка Дирлетон со своим новым знакомцем, который назвался Нивом. Они долго кружили по лесу, несколько раз выходя на одни и те же тропинки, и Койлин догадался, что его проводник проверяет, не следит ли за ними кто – ни будь.

Изрядно поплутав в чаще, они подошли к небольшому холму, похожему на череп, на вершине которого, словно рога, росли два дуба. Нив издал тихий свист, похожий на птичий, на который тут же откликнулась кукушка. С ветвей высокого дерева, под которым они стояли, спрыгнул высокий худой человек, одетый в новый бархатный кафтан и драные штаны, сквозь которые просвечивали голые колени.

– Привет, Нив! С кем это ты сюда пришагал? – Он подозрительно уставился на Койлина.

– Да я знаю этого парня! Это же слуга сэра Джона, тот, что вывел его отряд на наших дозорных! Эй! – раздался его крик. – Братья, идите все сюда! К нам пожаловала важная птица, из самого замка!

Двух ребят тут же окружила толпа разбойников, в пёстрых одеяниях, вооруженных луками, дубинами, топорами и ножами. Они появлялись буквально из-под земли, вылезая из узких щелей, служивших входом в землянки, Эти обиталища разбойников были так искусно замаскированы в высокой траве, что мимо них можно было пройти, не догадываясь, что рядом человеческое жильё.

– Вот так гость! – К Койлину подошёл человек в хорошем одеянии, лицо его было приветливо, но глаза смотрели настороженно и грозно. Видимо, это был предводитель разбойничьей шайки.

– Нив, зачем ты притащил его к нам? Это же соглядатай! Эй, ребята, готовьте петлю!

Предводитель взмахнул рукой, и словно по мановению волшебной палочки Койлин почувствовал на своей шее верёвку.

– Стойте! – закричал Нив. – Больно вы все быстрые! Не трогайте его!

Но Койлина уже тащили трое молодцев к ближайшему дубу, гостеприимно раскинувшему свои крепкие ветви. Разбойники так уверенно действовали, что было ясно, что на ветвях дерева появлялись не только жёлуди. Нив подбежал к своему новому приятелю, которого он завлёл в петлю, и схватил верёвку, не давая закинуть её на ветви.

– Он убежал из замка, убив стражника! – вопил он, извиваясь в руках разбойников, пытавшихся удержать его. Один из разбойников выхватил у Нива верёвку, ловко забросив её на толстую ветвь.

Лягнув одного разбойника и вырвавшись, Нив бросился к дубу, на ветвях которого уже натягивалась, подобно струне, веревка, на конце которой, словно

червяк, извивался Койлин. Нив ловко обрезал верёвку, загородив собой незадачливого знакомого.

– Хотите его повесить? Так вешайте и меня. Я его сюда привёл, и отвечу за него! Ну, подходите! – отчаянно закричал Нив толпе разбойников, размахивая ножом.

Толпа притихла, а Нив продолжал свою адвокатскую речь:

– Вы собираетесь повесить человека, такого же бедняка, как и мы. Но даже в королевском суде виновному дают последнее слово. Значит, мы – хуже королевских слуг!

– Да, да, – слышалось из толпы. – Дадим ему слово, только после обязательно повесим. Говори, королевский шпион!

Койлин, спокойно стоящий под ветвями деревьев, с петлёй, словно на шее у него было ожерелье из раковин, презрительно бросил:

– Всё правильно. И то, что я вывел на вас отряд солдат, и то, что я бежал из замка,

убив при этом солдата. Можете поступать, как хотите, мне всё равно.

– Повесить мерзавца! – слышалась возгласы из толпы.

– Нет, подождите! – Предводитель разбойничьей шайки, подняв руку, вышел вперёд. – Повесить мы его всегда успеем. А вам всем – при этом он обернулся к толпе, – смотрю, не терпится увидеть его в петле. Я же скажу вот что: Возможно, этот парень заслуживает пеньковый галстук, как и каждый из нас, – при этих словах толпа притихла, – но я вижу, что это отважный и честный малый, несмотря на его возраст. Если вы всё же решите вздёрнуть его, что ж! Пусть будет по-вашему! Но когда на вашей шее тоже будет болтаться петля, можете считать её мщением за этого парня! Пускай выходит тот, кто хочет повесить мальчишку, только что выпустившего из губ мамкину титьку!

Разбойники безмолвствовали. Никто не спешил изъявлять желание быть палачом. Койлин и Нив так же молчали, стоя рядом, словно родные братья.

– Ну, что, нет желающих? – Атаман шайки подошёл к Койлину, и, сняв с него петлю, подал этот страшный кусок верёвки тому, кто на ней недавно болтался.

– Возьми её на память. Когда задумаешь что-нибудь неладное, она напомнит тебе о том, что здесь произошло.

Предводитель отошёл от Койлина, рассматривая его, слово художник, решающий, как выгодней изобразить натурщика. Налюбовавшись Койлином, он вновь обратился к нему.

– Тебе предстоит решить, будешь ли ты с нами. Ты знаешь, где мы укрылись, так что живым отпустить тебя мы вряд ли сможем.

– Я согласен, – не раздумывая, отвечал чудом уцелевший мальчишка.

– Ну, тогда ты будешь нашим братом, и даже больше, чем братом. Ты будешь нашим кровником, поскольку мы проливаем кровь.

– Согласен и на это.

– Можете расходиться, – зычным голосом возвестил атаман. – Представление закончено!

Толпа разбойников направилась к Койлину, оглядывая его и похлопывая по плечу.

– Верните мне мой нож! И лук! – обратился он атаману.

– Умеешь ли ты владеть своим оружием? Может быть, тебя сначала научится варить кашу? Что ты можешь? Покажи своё искусство!

– Давай, давай, малец! – загалдели разбойники, протягивая ему лук с колчаном стрел.

Койлин не торопясь, выбрал стрелу, осмотрел лук, побывавший в чужих руках, и присел на пень, стоящий неподалёку.

– Что, струсил? – Один из разбойников направил на него натянутый лук. Койлин насмешливо смотрел на него.

– Ну, что же ты? – Разбойник всё сильнее натягивал лук.

– Ты хочешь убить меня?

– Да, потому что ты трус!

– Тогда я знаю, как поступить. И пусть мне никто не ставит это в вину.

Он легко вскинул лук, и, не вставая с пня, всадил стрелу прямо в глаз своему противнику. Раздался изумленный возглас. Толпа оцепенела. «Nemo me impune Uicessit!»

– Повесить его! – снова зазвучало в толпе.

Койлина снова окружили и обезоружили.

– Ты странный парень, – подойдя к нему, заметил атаман. – Как же ты смог столько прожить в замке, если даже у разбойников не продержался один день! Однако, ради справедливости, скажу, что Олаф сам напросился, и получил, что хотел. Но что мне с тобой делать?

Атаман задумался, сложив руки на груди и глядя на угрюмо молчащего Койлина.

Так и не приняв решения, он приказал бросить убийцу в тюрьму, представлявшую глубокую, в два человеческих роста яму. Приставив к нему двух разбойников, он оставил Койлина до утра, чтобы окончательно решить его судьбу.

Нив на этот раз смолчал. Да и что он мог сказать? Вокруг его нового знакомого, словно по мановению руки, появлялись трупы, а ведь Койлин был всего-навсего мальчишка. И всё же Нив решил во что бы то ни стало освободить пленника, которого сам привёл в стойбище разбойников.

Когда лес погрузился в ночную тьму, Нив вышел из землянки, и крадучись направился к едва мерцавшему костру. Как он и предполагал, оба тюремщика сладко спали, закутавшись в лохмотья.

Нив, наклонившись над ямой, бросил туда кусочек земли.

– Это я, – шепотом произнёс он, услышав тихий ответ, и затем конец верёвки, той самой, которая совсем недавно болталась на шее Койлина, был выброшен из ямы. Человек никогда не знает, что его спасёт, а что погубит! Вскоре во тьме Нив различив голову узника, показавшегося над ямой, и помог ему выбраться.

– Беги! – прошептал Нив.

Хлопнув по плечу товарища, Койлин растворился в темноте леса.

Глава 7

Положение беглеца было почти безнадежным. С одной стороны, он был разыскиваем слугами барона де Во, с другой – разбойники могли выследить его. Голод толкал его к людям, но опасность быть схваченным гнала его от людей. В замке он не раз слышал разговоры от том, что на побережье, которое находится не так далеко, есть гавани, где в матросы набирают людей, не интересуясь их прошлым. Требовались только крепкие руки, и смышленная голова. Но как пробраться к побережью, он не знал.

Он продолжал брести наугад, ориентируясь по солнцу, казалось, его скитаниям не будет конца. Если бы на нём не было грубой кожаной куртки, его одежда окончательно бы пришла в негодность, а попытки добыть себе пищу без лука были бесплодны.

Ночью, сидя у костра, он почувствовал, что дальше идти не может. Безразличие овладело Койлином, но страшный оскал смерти не пугал его. Глаза смыкались, и словно во сне, перед ним маячил крошечный огонёк. Койлин немного приоткрыл глаза – огонёк не исчез.

Откуда в глуши леса могут быть ночные огни? – Наверное, мне это кажется, – подумал он, прикрыв веки, однако в его душе зародилась надежда. Собрав силы, он поднялся со своего неудобного ложа, и медленно побрёл по направлению огонька, который, казалось, то приближался к нему, то стремительно удалялся; но он шёл и шёл, потеряв счёт времени...

Когда Койлин очнулся, он увидел над собой потолок; повернув голову, он заметил крошечное, подслеповатое оконце. Он лежал на охапке сена, покрытой шкурой, в небольшой хижине. На лбу у него лежала влажная тряпица, пахнущим травами, рядом, на лавке, стоял горшок.

Койлин попытался встать, но тут же бессильно опустился на свою убогую лежанку, забывшись тревожным сном. Когда он снова открыл глаза, был уже вечер, и в окно, затянутое бычьим пузырьём, едва пробивался тусклый свет луны. На скамейке возле него сидел худой старик с большой окладистой бородой, лохматыми бровями, и длинными прядями седых волос, падающих ему на плечи. Несмотря на худобу, плечи его были ещё широки, и видимо, он был высок ростом. На шее старика висела костяная пластинка. Облик странного старца дополнял шрам, идущий через всю левую щёку, и скрываясь в бороде. Старик внимательно наблюдал за Койлином из-под нависших бровей. Слабый свет лучины бросал на стену причудливую тень старика, похожую на большую птицу.

Заметив, что Койлин пошевелился, он положил свою жилистую руку на его плечо.

– Лежи, парень, тебе рано вставать! – проговорил он хриплым, надтреснутым голосом. Койлин замер, внимательно следя за стариком. Он не произносил ни слова, стараясь понять, где он. Он хорошо помнил, что, убив солдата, сбежал из замка, попал к разбойникам, убил одного из них, и снова сбежал, плутал по лесу; далее затем память отказывала ему. Между тем вечер уступил место глухой ночи, окутавшей лес, и только крики ночных птиц, да зловещий вой раздавались в темноте.

Старик достал из печи горшок, наполнил из него глиняную чашку, и протянул её Койлину.

– Пей! – проговорил он.

Приподнявшись, больной сделал несколько глотков, и, обессиленный, откинулся на убогое ложе.

– Ты чуть не умер с голода, но это ничего. Поправишься, и снова станешь крепким парнем. Ты ведь был крепким парнем? – обратился старик Койлину.

Наверно, был, – подумал Койлин, – если убил уже двух человек, не считая тех, кто пал от его стрел, когда он защищал замок. Однако он ничего не сказал, лишь со слабой улыбкой кивнул старику.

Старик поднялся со скамейки; (он оказался действительно высокого роста), потушил лучину, и улёгся на нехитрую лежанку.

Утренний рассвет робко проник через мутное оконце. Койлин открыл глаза. Старика нигде не было. Койлин чувствовал себя гораздо лучше, и с любопытством оглядел своё неожиданное пристанище. Избушка была сложена из довольно толстых, уже изрядно потемневших ошкуренных брёвен, и тщательно законопачена. В дальнем от него углу стоял сундук, сработанный, видимо, хозяином, так же как стол и лавка, стоящая у стены. Повсюду были развешаны пучки корней и трав, издававшие дурманящий запах, возле печи стояла небольшая кадучка, наполненная водой, на которой сбоку висел деревянный ковш, в печи стоял чугунок и сковорода. У входной двери лежал обрубок дерева с дуплом, наполненным камнями, и берёзовый туесок с крышкой, над которым вилась залетевшая случайно пчела.

Небольшая входная дверь была обита медвежьей шкурой. В углу стояла крепкая рогатина, говорившая о том, каким образом хозяин избушки добыл шкуру. Над лежанкой Койлина висел колчан, наполненный стрелами. По-видимому, хозяин был расчётлив и запаслив.

Размышления Койлина были прерваны приходом старика. За плечами у него был лук, за поясом убитый заяц. Бросив взгляд на Койлина, и заметив, что тот пришёл в себя, старик подошёл к мальчику и улыбнулся.

– Ну, что, малыш, ещё поживём?

Он положил ладонь на лоб больного, и вновь вышел из избушки, возвратившись с охапкой поленьев. Вскоре в печи полыхал огонь, а в чугунке на печи варился

заяц, приправленный кореньями и травами, и издававший такой запах, что Койлин, как зверь, почуявший поживу, задёргал ноздрями и заворочался под шкурой.

Старик, улыбаясь, поглядывал на юношу. И действительно, будучи ещё совсем молод, Койлин, тем не менее, производил впечатление взрослого парня.

Вскоре Койлин сидел за столом со стариком, хлебая деревянной ложкой из чугунок наваристый бульон. Сам заяц, извлеченный из чугунок, лежал на деревянной доске, исходя вкусным запахом. Койлин потянулся было к аппетитной тушке, но старик остановил его:

– Можешь съесть маленький кусочек. Мне не жалко, но ты долго голодал, поэтому должен потерпеть, пока твой желудок привыкнет к пище.

С сожалением Койлин смотрел на еду, глотая слюни. Нельзя, значит нельзя. Нужно слушаться старика, ведь его здесь никто не собирает ни вешать, ни убивать, и бежать ему отсюда некуда. К тому же он был настолько слаб, что с трудом добрался до своей лежанки, собираясь тут же заснуть, однако старик подал ему глиняную кружку:

– Хлебни немного, а потом спи!

Койлин сделал несколько глотков напитка, похожего по вкусу на пихтовые или кедровые шишки. Покой разлился по его телу, и сон принял его в свои объятия. Ему снились страшные картины сражений на стенах замка, лица смеющихся солдат, грозное лицо хозяина замка Джона де Во, и петля, которую разбойники пытались накинуть на него. Очевидно, он метался и кричал во сне, потому что старик разбудил его, и дал выпить ещё какого-то отвара, после чего Койлин забылся глубоким, спокойным сном.

Сколько продлился его сон, Койлин не знал. Когда он открыл глаза, сразу почувствовал, что силы начали возвращаться к нему. В избушке опять никого не было, видимо старик постоянно бродил по лесу в поисках съестного.

Койлин поднялся со своего ложа, затопал босыми ногами по земляному полу, покрытому шкурами, и, подойдя к двери, осторожно выглянул наружу. Солнце уже садилось за верхушки деревьев, и вечерняя прохлада была разлита в

воздухе. Койлин вышел за порог, и осмотрелся. Вокруг стоял глухой лес.

Глава 8

Койлин обвёл взглядом скудное хозяйство старика. Под невысоким навесом была сложена куча хвороста, на распялах сушилось несколько звериных шкур, стояло два долблёных корыта для их обработки. На расстоянии полёта стрелы стояла мишень, похожая на ту, с которой тренировались солдаты-лучники. Над дверью избы был прибит побелевший череп оленя с ветвистыми рогами. Он смотрел в когда-то родной лес пустыми глазницами, и этот невидящий взгляд наполнял душу Койлина беспокойством. Кусты зашевелились, и на полянку вышел старик, несущий на плече убитого оленёнка. Он поприветствовал поднятой рукой Койлина, и, подойдя к избушке, бросил к порогу свою добычу.

Вид убитого оленёнка под черепом взрослого оленя имел какой-то зловещий смысл.

Когда-нибудь и мои останки будут так же сиротливо лежать на земле, – равнодушно подумал Койлин.

– Что задумался? – бодрый тон старика отвлек юношу от грустных мыслей. – Жалеешь оленёнка? Что ж, жизнь такая! Не убьёшь другого, погибнешь! Да ты сам об этом знаешь! Ведь тебе уже приходилось убивать?

Койлин вздрогнул. Откуда этот старик, который видят его первый раз, знает об этом?

Он поднял взгляд на старика, тот стоял, разминая руками поясницу, и улыбался.

– Бери добычу, и разделывай, а я разожгу огонь, и подкрепимся. Согласен?

– У меня нет ножа, – тихо промолвил Койлин, уставившись в землю.

– Ну, это не беда.

Старик зашёл в избу, и вскоре у Койлина в руках был тяжёлый, хороший нож, с рукояткой из оленьего рога и широким лезвием. Старик молча наблюдал за его неловкими движениями, затем взял нож, и показал, как нужно разделывать тушу. Сложив куски мяса в котёл, и добавив трав и кореньев, старик поставил его на огонь, и пока он возился с костром, Койлин взял в руки лук старика, и примерился к нему.

– Умеешь стрелять? – спросил старик, протягивая Койлину стрелу.

Вместо ответа Койлин всадил стрелу точно в цель.

Старик протянул ему ещё одну стрелу, которая, не отклонившись, последовала за первой. Вскоре в мишени торчал нож, и топор.

Старик внимательно посмотрел на Койлина:

– Кто тебе это дал? Указал он пальцем с почерневшим ногтем на пластинку, висящую у Койлина на шее.

– Сколько я себя помню, она была у меня с рождения.

– А кто твои родители?

– Не знаю. Я всегда был сиротой. – Койлин замолчал, раздумывая, стоит ли рассказывать старику свои приключения. Однако старик ободряюще похлопал Койлина по плечу.

– Ничего не бойся, я не сделаю тебе зла. Думаю, ты его уже и так нахлебался. Отдохнёшь, наберешься сил, и пойдёшь своей дорогой. А она у тебя будет ой, какая длинная!

Койлин быстро восстанавливал силы. Мышцы его окрепли, он занимался заготовкой дров на зиму, ходил со стариком на охоту, ни разу не возвращаясь без добычи, резал ивняк и плёл корзины, как научил его старик.

Однажды вечером, когда яркие точки звёзд украсили чёрное небо, старик обратился к Койлину.

– Ты не любопытен, и не спрашиваешь, кто я. Может это и хорошо. Если хочешь – слушай, если не хочешь – гаси лучину и ложись спать.

Койлина на самом деле мучил вопрос, кто этот загадочный старец, спасший ему жизнь?

Он даже не знал, как его звать, да и сам не назывался. Старик называл его то малышом, то мальчиком, то юношей, то сыном, а Койлин разговаривал со стариком без всякого обращения.

– Так вот, малыш, и я был когда-то молод. Так же, как и ты, был ловок, силен и смеделен. Жил тем, что помогал отцу заниматься кожевенным ремеслом. Если ты не знаешь, что это за работа, так я скажу, что она не для слабых. В твоём возрасте я всю таскал на себе кожи, собранные у мясников, скоблил их, мял, дубил; дел было достаточно, приходилось работать от зари дотемна. Ведь из кож делается многое – ремни, сумки, обувь, доспехи, но это уже было не по нашей части. Мы должны были выдубить шкуры, сделать их мягкими, прочными, не поддающимися гниению.

Сами товары делали ремесленники из готовых дублёных шкур, купленных у нас, а то, что оставалось, мы отправляли на рынок. У меня был старший брат, который тоже работал со мной, но иногда, когда работы было особенно много, отец нанимал подёнщиков, которые трудились вместе с нами.

Кожи бывают одинаковые только для тех, кто не имел с ними дела. Например, склизок – кожа мертворожденного теленка, используется для одежды и верха обуви. Опоек – мягкая, эластичная кожа, полученная из шкур телят-сосунков. Наиболее ценная кожа. выросток – менее эластичная и мягкая, получают ее из шкур телят, перешедших на растительную пищу. Есть ещё яловка – кожа коровы, более ценная, чем бычья. Есть и бычина – кожа молодого вола. Или бугай – кожа крупных быков, самая тяжёлая и толстая. Над выделанной кожей, от шагрене до замши, прольёшь не один десяток потов, и руки от дубильных рассолов будут грубыми, как седельная кожа. А запах будет стоять такой, что провоняешься им до самой смерти.

Но случилось так, что солёные морские шторма выветрили из меня это запах, хотя кислые хлебные настои, древесная кора для дубления, зола снились мне ещё долго. Да и руки ломило ночью от непосильной работы, так, что приходилось обнимать ими сноп соломы.

Старик задумался, вороша веткой затухающий огонь, видно воспоминания прошлого нахлынули на него. Он долго сидел, глядя на угли, по которым пробегали вспышки пламени, пока вновь не заговорил:

– Однажды мы с отцом поехали на ярмарку продавать кожи. Возле нас вертелся цыган, который понемногу угощал отца выпивкой, и, выждав, когда он напился сильнее обычного, с помощью дружков связал меня, заткнул рот тряпкой и продал вербовщику, набиравшему матросскую команду на корабль. Сбежать я не мог, потому что находился всё время связанный в компании таких же, как я, пленников, с которых бандиты не спускали глаз. Так я оказался среди разбойников и пиратов, которыми заправлял грозный капитан Келпи. Но не думай, что мне сразу же пришлось плавать на парусных кораблях, нет! Мы выходили в море на куррахах. Это были лодки с деревянным каркасом, обшитом хорошо выделанными коровьими и лошадиными шкурами. Днище стелилось из крепких досок, в центре лодки укреплялась мачта с прямым парусом.

Когда капитан узнал, что я владею ремеслом обработки и дубления шкур, он обрадовался так, что пил три дня солодовый виски, который мы закупали в винокурнях монастырей, и в пьяном угаре пропустил не один корабль, гружёный товарами.

Когда капитан, наконец, протрезвел, мы наверстали упущенное. Каждый из нас был не только хорошим воином, но и мастером на все руки. Желающих обслуживать разбойников было мало, хотя мы и платили хорошо, поэтому приходилось многое делать самим: плотничать, столярничать, ковать, чинить лодки, паруса, и многое другое. У нас даже был лекарь, которого мы захватили с французского корабля, но пробыл он с нами не долго. В одной из схваток он погиб, и капитан возложил лечение на меня. Когда я стал возражать, он просто взмахнул мечом над моей головой, сказав: «не сможешь лечить, отрублю голову».

Так я стал воином, кожевником и лекарем. Мы долго носились в своих утлых челнах по морю, грабя французские, английские, да и все проходящие мимо суда, не подчиняясь никаким законам и королевским указам. Но мы старались

уклониться от встреч с викингами, снующими тут и там на своих дракарах, кораблях – драконах. Но встреч с викингами боялись не только мы.

Когда их величественные дракары, в которых находились до сотни воинов, скользили по воде на вёслах, они напоминали летящего дракона, взмахивающего крыльями. Ещё быстрее они ходили под парусами. И вот однажды наши друзья викинги задали нам трёпку. В живых остался только я и шкипер, владевший ремеслом вождения судна. Так я перешёл на службу викингам.

Старик замолчал, видимо длинный рассказ утомил его. Между тем солнце давно скрылось за вершинам деревьев, и тёмное небо насылало сон.

Утро выдалось хмурое, небо заволкло тучами и вскоре пошёл дождь. Койлин открыл глаза. Старика не было. Каждое утро он исчезал до того, как Койлин просыпался. Было непонятно, куда и зачем можно было ходить так рано, и Койлин однажды спросил об этом старика напрямик. Тот взял пучок трав, висевших у него над головой, и протянул Койлину.

– Вот эту траву, сынок, можно собирать до восхода солнца, иначе она потеряет силу. Некоторые травы нужно собирать ночью, другие днём. А есть такие, которые в силе только при полной луне, другие – в конце жаркого лета. Кроме этого, есть много других растений, корней, коры дуба и осины, которые нужно собирать в своё время и правильно сушить. Всему этому меня научила жизнь, и, если хочешь, я могу кое в чём помочь тебе.

А сейчас пойдём в лес!

И они, захватив луки и стрелы, отправились по знакомой тропинке в чащобу.

Однако старик не спешил высматривать добычу. Он свернул на восток, и, не останавливаясь, прошагал несколько миль, пока не дошёл до разбитого молнией дуба.

– Посмотрим, – проговорил он, – что попало на этот раз, – и, подойдя к яме, заглянул в неё.

– Есть добыча! – обратился он к Койлину. – Помоги мне!

Койлин, заглянув в яму, увидел испуганно бегающего оленёнка. Он взглянул на старика, и тот молча кивнул головой. Койлин прыгнул в ловчую яму, и ударом ножа прекратил муки животного. Старик опустил в яму конец верёвки, которая напомнила Койлину о времени, проведённом у разбойников. Чёртова верёвка! – подумал он. Что-то слишком часто она раскачивается над моей головой! Не хватает только петли!

– Вяжи петлю, – словно подслушав его мысли, подал голос старик, и цепляй оленёнка за ноги!

День уже клонился к вечеру, когда они, вернувшись, разделали добычу и приготовили ужин. Остатки оленины старик разделал на крупные куски и повесил над костром, накидав туда свежих веток и листьев, отчего поднялся плотный столб дыма.

Старик нарубил толстых ветвей, сложил их высоким шалашом, и, подвесив в нём оставшиеся куски мяса, пояснил Койлину:

– Будем коптить мясо холодным дымом, для этого нужно постоянно подкидывать сырые ветви, и повыше поднимать мясо. Придётся по очереди караулить всю ночь, не то к утру зверьё сожрет всё. Первым дежурить буду я.

Выслушав старика, Койлин отправился спать.

Он долго вертелся на своей лежанке, но так и смог заснуть. Накинув на себя оленью шкуру, он вышел. Огонь едва мерцал, прижатый сырыми ветками, и силуэт старика едва можно было разглядеть при тусклом свете луны, скрытой облаками. Койлин тихо подошёл к костру, однако старик, не оглядываясь, произнёс:

– Садись рядом, коли не спится. Я тоже не смогу заснуть, поэтому будем коротать ночь вместе. – Он подкинул коры в огонь. – Вот так я заготавливал мясо для наших походов. Жизнь всему научила. Если мясо повесить ниже, готовится быстрее, но храниться будет недолго. Нужен остывший дым, чтобы мясо не варилось, вот тогда его можно будет брать с собой. И никогда не коптить ветви с деревьев, с которых может сочиться смола. Годится дуб, ольха, да любое

дерево без смолы.

Помолчав, добавил:

– Желаете знать, что произошло со мной дальше?

Койлин молча кивнул.

Глава 9

Ну, так знай, что мы ходили на своих кораблях – дракарах вдоль побережья, выискивая богатые суда. Иногда приходилось заплывать далеко, однако у нас был опытный кормчий,

который мог по звёздам прокладывать путь. Но не всегда мы обращались к оружию.

Мы знали с племенами, с которыми у нас была постоянная торговля и обмен, и все вопросы решались мирным путём. Кормчий часто рассказывал о своих приключениях, и однажды он поведал мне, что существует страна, где время идёт по-другому. Эту страну накрывает тень громадного дракона, распластавшего над ней свои крылья. Там люди ещё живут, как звери. Их можно легко побеждать, потому что они как дети, их легко обмануть, провести, а когда они выразят недовольство – истребить. Двигутся они медленно, пока воин поднимает руку, ты можешь трижды поразить его своим мечом.

Это громадная страна, без конца и начала, там текут большие реки, стоят дремучие леса. Князья там слабы, и заняты войнами друг с другом, а когда на них нападает враг, они не могут договориться, чтобы дать ему отпор, и тогда можно грабить, убивать, брать всё добро и пленных. Они сидят в своих уделах, не ходят на кораблях и лодках; не знают, как правильно ковать мечи и наконечники стрел. Жители этой страны, злобные и трусливые, навечно обречены быть отсталыми племенами. Правят там ведьмы, колдуны, и великаны. Обычные люди, каких большинство, злы, завистливы, и мстительны. Но любой из

наших воинов стоит двадцати воинов из этой страны. Там очень легко стать правителем, и иметь много золота, мехов и женщин.

И он показал мне карту, как можно из моря пройти по рекам, и достигнуть этой страны.

В одном из походов кормчий был убит. Я был рядом с ним, и успел забрать у него карту, которую он возил всегда с собой. Если ты задумаешь попасть в эту страну, я отдам её тебе. Это карта из шкуры настоящего дракона. Они и сейчас водятся в наших лесах, летая по ночам, словно летучие мыши. А в той дикой, далёкой стране этих драконов видимо – невидимо!

Ньерд, бог моря, и Один, бог войны, слуги которого, вороны, летают по всему свету, ждут меня, и нет мне нужды брать с собой в дорогу что – либо. А теперь иди спать, мясо будет коптиться долго!

Койлин побрёл в сторону избушки, и вскоре погрузился в сон. Ему снилась неведомая страна, покрытая мраком, люди в звериных шкурах, и мрачный замок, одиноко стоящий на скале.

Понемногу наступала осень, ночи удлинились, и пожелтевший лес сбрасывал свой наряд, засыпая листьями звериные тропы. Запасы еды были заготовлены, засушены грибы, ягоды, орехи, засолена рыба, вдоволь завялено и закопчено мясо, топлива было достаточно, можно было зимовать. Старик был рад решению Койлина, коротать зиму в лесу одному было делом невесёлым.

Зима выдалась вьюжная, снегу намело так, что закрывало половину оконца, дверь избушки приходилось открывать с трудом. Старик смастерил лыжи из ивняка, переплел их кожаными ремнями, так, что они походили на днища корзин, но даже на них пройти по лесу было невозможно, к счастью, заготовленные продукты и топливо помогли выжить.

Для Койлина долгая зима не прошла даром. Проводя со стариком долгие зимние дни, он слушал его рассказ о жизни, состоящей из сражений, путешествий и приключений. Дрова в печи весело трещали, огонь согревал маленькое, убогое жилище, и двое – старик и мальчик понимали, что, возможно, это самые счастливые время их жизни.

Койлин, вкратце рассказал о своих приключениях. Старик внимательно слушал Койлина, лишь изредка покачивая головой, и когда Койлин закончил свой рассказ, старик произнёс:

– Всё правильно, я не ошибся. Ты мог погибнуть уже множество раз, но всегда оставался жив. Видимо, у тебя, как у кошки, девять жизней. Когда придет весна, ты отправишься в ту далёкую землю, о которой я тебе рассказывал. Дорога будет трудной, но ты выдержишь.

Старик прямо посмотрел в глаза Койлину из – под кустистых бровей.

– Ты знаешь, что значит убить человека?

Койлин молча выдержал взгляд старика.

– Знаешь – тяжело вздохнул старик. – Скольких ты убил?

Койлин продолжал молчать. Старик ответил за него:

– Главное – начать, а там пойдёт само собой! Эх! Хорошо, если ты убил, защищаясь! Мне пришлось убивать людей, даже не дав им помолиться перед смертью! Я не защищался, я нападал. Знаешь, из-за чего?

Койлин продолжал молчать.

– Из-за богатства. Я убивал людей, которые не сделали мне ничего дурного. Скажи, где сейчас это богатство, нужно ли оно мне? Воспоминания терзают меня.... жаль, что такие мысли приходят к старости. Да, на мне много грехов....

Ты хочешь стать старым? – Лайлокен опять взглянул на юношу.– Ты будешь старым, как я, а может, еще старше. Твой жизненный путь ни к чему не приведет, кроме вражды и ненависти. Ты накопишь богатства, будешь повелевать людьми, решая, жить им, или нет.

Замолчав, старик повесил голову, став похожим на старого беркута, и его горбатый нос ещё более подчёркивал это сходство.

Наступила весна. Снег стал рыхлым, тяжёлым, солнце светило ярко, словно приглашая в путь. Лайлокен собирал в дорогу Койлина так, словно отправлялся сам. Старик всё время присматривался к амулету Койлина. В один из вечеров он взял амулет, чуть нажал на выдающуюся сердцевину шестиугольника. Шестигранный центр подался вниз, лепестки раскрылись, как цветок. Лайлокен осторожно взял в руки амулет, ещё раз внимательно осмотрел его.

– Возьми! – вернул он странный предмет Койлину. – Раз эта штука внутри круглая, значит, есть ось, а если есть ось, значит, надо вращать. Что бы ни произошло, сделай всё в обратном порядке: крути назад эти лепестки и поставь сердцевину на место.

Койлин так же, как и Лайлокен, осторожно взял в руки амулет, и повернул лепестки. Он успел заметить, что черты лица Лайлокен смазались, стены избышки заколыхались, словно под водой, и Койлин обнаружил себя сидящим под крепостной стеной замка, откуда он убежал. «Вот он!» – воскликнул стражник, – показывая на Койлина. – «Держите негодяя!»

Стража мгновенно окружила Койлина, как будто она ждала его. Койлин спрыгнул с высокой стены замка, рискуя сломать себе ноги, и бросился к спасительным лесным зарослям. Забежав в ближайшие кусты, Койлин схватил амулет, нажал на сердцевину, и наугад повернул шестигранную звезду....

Когда Койлин открыл глаза, он увидел сидящего напротив его Лайлокена. Лицо старика было изумлённым.

– Вот в чём дело! – произнёс Лайлокен. – Теперь мне понятно, почему капитан всегда исчезал, когда дело принимало скверный оборот. Ну, что же, расскажи, что ты видел.

Койлин, как мог, передал ему свои смутные ощущения, и описал место, где обнаружил себя после поворота лепестков.

– Значит, – произнес Лайлокен, исчезаешь из одного места, и появляешься в другом. Впрочем, и этого достаточно. Хотя, если изучить эти деления, что нанесены на внешние стороны сердцевины, и внутренние стороны лепестков, тогда, возможно, ты сможешь регулировать свои перемещения. Я слышал о таких вещах, но никогда не видел. Никому об этом не говори. Впрочем, – старик

взглянул в твердо очерченное, суровое лицо юноши, – об этом тебе можно было и не предупреждать. Как ты будешь разбираться со своим колдовским инструментом, и что от него можно ещё ожидать – я не знаю. Только запомни – действуй с амулетом осторожно, в нём заключена большая сила, справится с которой может только познавший её.

Теперь о твоём путешествии. Сначала ты пойдёшь на северо-запад к заливу Ферт оф Форт. Это не очень далеко, и если ты не собьёшься с пути, дойдёшь до деревушки Данбар. Это уединённое место, там живут контрабандисты и разбойники. На вид это очень благочестивые люди, до тех пор, пока не сядут в свои лодки, тогда пощады от них не дождешься. Можешь говорить с ними смело, они возьмут тебя с собой. Но подожди, может, ты не хочешь такой судьбы? Может, хочешь стать кожевенником, или того лучше, писцом? Тогда тебе лучше направится в Эдинбург, и пристроится к какому-нибудь графу, и жизнь твоя станет сытной и обеспеченной. Не хочешь?

Тогда, как только сойдет снег, и земля станет тёплой, отправишься в путь. Береги свой амулет!

Вскоре солнце стало подниматься высоко, трава и деревья зазеленели, птицы запели свои извечные весенние мотивы. Вторя им, робко зазвенели маленькие лесные ручейки, струящиеся из-под пней и валунов, обросших седым мхом, лес наполнялся жизнью...

Койлин попрощался со стариком, и тот обнял его, словно сына, и вручил свиток из чёрной прочной кожи.

Койлин сразу понял, что это карта. Взвалив на плечи котомку с копченым мясом, рыбой, взяв нож, огниво, трут и кремь, перекинув через плечо лук, он зашагал, держа путь на север, туда, куда гнала его судьба.

Путь, пройденный Койлином, был неблизкий для человека, несущего на себе всю свою поклажу. Она состояла из оружия, металлического котелка, запаса воды, и еды. Он старался разнообразить свою пищу зайцами, глухарями, и всем, что находилось на расстоянии полёта стрелы.

Однажды он угодил ногой в чью-то нору, и вывихнул ступню; пришлось несколько дней ожидать, когда нога заживет. Он соорудил шалаш, который превратился в охотничью засидку, где Койлин подкарауливал неосторожную дичь. Вспомнив наставления старца, он ползком собирал травы, росшие поблизости; тут рос и горец птичий, земляника, хвощ, которые он варил в подаренном стариком котелке, прикладывая к больной ноге горячий подорожник. Молодость и сила трав делали чудеса, и лечение шло быстро.

Однажды к его жилищу наведалься лось, огромный и свирепый. Он стоял у шалаша, трубя и роя копытом землю, вызывая противника на бой. Очевидно, стоящий шалаш он принял за соперника. Койлин со своей больной ногой сидел не шелохнувшись, разглядывая зверя из своего убогого убежища, и когда лось победно вскинув голову, исчез в чаще леса, вздохнул с облегчением.

Нога почти зажила, и Койлин отправился в путь, слегка прихрамывая. Он постоянно наблюдал за солнцем, держа направление, указанное стариком. Лес был старый, часто встречались буреломы. Возле одного из таких буреломов Койлин услышал грозный рык. Оглядевшись, он увидел громадного медведя, стоящего на задних лапах. Зверь ощерил крупные жёлтые клыки, и разглядывал неожиданного гостя маленькими злыми глазами. До Койлина доносилось сиплое дыхание зверя, который стал медленно и грозно приближаться. Движения хищника были неторопливы, уверенны, он уже протягивал свои мощные лапы, со страшными когтями.... Не раздумывая, Койлин сорвал с плеча лук и выстрелил в медведя, который был совсем близко. Раздался рёв, медведь схватился лапой за глаз, в который попала стрела, а Койлин бросился бежать со всех ног.

Он мчался сквозь колючие кусты, перепрыгивал через поваленные деревья, перемахивал через завалы, чувствуя дыхание хищника за спиной. Он боялся оглянуться, и бежал до тех пор, пока ноги не подкосились, и он упал на муравьиную кучу.

Отдыхать ему пришлось недолго. Маленькие злые муравьи с ожесточением набросились на него, и вскоре Койлин снова бежал, колотя руками по спине, бедрам и ногам, везде, куда добрались свирепые насекомые. Добежав до берега

озера, он, не раздумывая, бросился в ледяную воду. Выйдя на сушу, он разделся донага, стряхнул с себя особенно стойких муравьёв, затем на рогатине развесил одежду над костром. Койлин обнаружил, что во время погони он потерял лук, зато уцелело остальное, включая стрелы и нож.

Голод и боль в ноге напомнили о себе. Смастерив петлю, Койлин поставил её между двух берёз, где проходила заячья тропа. Ждать, когда в неё угодит зверёк, было неразумно, и Койлин, не откладывая, приступил к изготовлению лука. Он знал, что лук можно сделать из тиса, ясеня или вяза; найдя подходящую ветвь, приступил к его изготовлению. Живот путешественника сводило от голода. Подсушив ветку вяза над костром, он слегка согнул её, пробуя упругость дерева, и остался доволен. Теперь, держа в руках лук, он снова чувствовал себя воином.

В колчане у него были разные стрелы, с более широким плоским наконечником – для охоты, и более узкие и тонкие – боевые. Он выбрал охотничью стрелу, положив её на тетиву, прицелился в куст, росший неподалёку. На его счастье из-под куста выскочил заяц, и Койлину осталось только пустить стрелу вслед убегающему зверьку.

Заяц, поражённый метким выстрелом, перевернулся через голову, закричав, как ребёнок. Койлин подбежал к зайцу, глаза которого уже стали затягиваться смертной плёнкой, и, вытащив стрелу, быстро освежевал добычу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/zaharov_valeriy/kaschey

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)